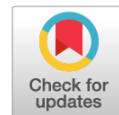

Юридическое мышление и эволюция знаковых средств конструирования правовой реальности

Разуваев Николай Викторович,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург)

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен правового мышления как самостоятельная разновидность мышления, чьей основной целью выступает конструирование правовой реальности. Автор полагает, что правовое мышление выполняет три важнейшие функции: во-первых, формирует материю правовой реальности, образуемую атомарными фактами, во-вторых, устанавливает взаимную связь фактов в логическом и культурно-историческом пространстве реальности и, в-третьих, закрепляет факты и связи между ними в различных знаковых формах, вырабатываемых в процессе познавательной активности индивидов. В работе показано: особую значимость в плане теоретического осмысления правовой реальности имеет установление закономерной связи между ее статическими (конструктивными) характеристиками и эволюционной динамикой. Именно деятельность правового мышления создает предпосылки для эволюции права и правовой реальности в историческом измерении. Познавательная и иная творческая активность правового мышления создают те знаковые формы, в которых получает внешнее выражение взаимосвязь фактов и фактических комплексов. В ходе эволюции происходит усложнение таких форм, они становятся универсальными и общезначимыми. Доказано, что важнейшей закономерностью правовой эволюции является формирование на основе конкретных ситуаций правовой коммуникации субъективных прав, которые в дальнейшем, по мере типизации и распространения на все более широкий круг индивидов, трансформируются в юридические нормы. Эта закономерность получает обоснование и подтверждение как на общенаучном материале, так и на примере юридической науки, выступающей высшим уровнем организации правового мышления. Следствием рассматриваемых процессов становится формирование общего для всех индивидов пространства правовой реальности, представляющего собой единое поле интерсубъективных коммуникаций.

Ключевые слова: право, правовая реальность, юридическое мышление, субъективные права, нормы права, правовая доктрина.

1. Введение

Переход к постнеклассической парадигме познания обусловил кардинальные изменения всей системы представлений о реальности, отразившиеся на важнейших закономерностях и методах ее познания. Как известно, в основу постнеклассической парадигмы положен теоретический постулат, в соответствии с которым реальность в различных ее аспектах и измерениях представляет собой сложную саморазвивающуюся систему¹, неотъемлемой составляющей которой является познание, обеспечивающее когерентность и взаимосогласованную динамику всех компонентов реальности.

На этом базируется важная теоретико-методологическая установка, отличающая постнеклассическую науку от классической, со времен Р. Декарта исходившей из радикального противопоставления реальности как объекта познания человеку как гносеологическому субъекту². В контексте указанной установки утверждается единство субъекта и объекта познания не только в эпистемологическом, но и в онтологическом планах, из чего вытекают двоякие следствия. Во-первых, самоконституирующаяся реальность, рекурсивно включая в себя человека во всей полноте его качеств и свойств, конструирует тем самым субъекта познания, творческой и практической деятель-

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии, 2003. № 8. С. 5–18.

² Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 268–269.

ности³. Таким образом, динамика реальности способствует высечиванию «родовой сущности» человека как экзистенциально свободного существа, заброшенного в мир⁴ и компенсирующего своей активностью дефицит инстинктивной закреплённости в нём, присущей иным живым видам⁵.

Во-вторых, самоконститутивность реальности имеет одним из своих истоков познавательную и творческую деятельность субъекта, обеспечивающую взаимную связность различных сегментов, которые, в противном случае, распались бы на отдельные, противоречащие друг другу элементы, как это чаще всего и бывает в интенциональном восприятии мира обыденным сознанием. В этом контексте представляет повышенный интерес конструктивистский подход к познанию⁶, приобретающий все большее значение как в философии, так и в любых науках, включая науки о праве. С учетом вышеизложенного намечается важное противоречие, релятивирующее постнеклассическую картину мира и требующее более внимательного рассмотрения. Речь идет об очевидной, на первый взгляд, несовместимости конструктивизма с динамическими, эволюционными характеристиками, бесспорно, присущими реальности, как природной, так и социальной. Указанное обстоятельство побуждало некоторых исследователей (таких, в частности, как Э. Косериу) достаточно жестко противопоставлять друг другу системный и исторический аспекты социокультурной, в частном случае языковой, реальности⁷.

Представляется, что единственный способ согласовать между собой системное и историческое измерения реальности состоит в том, чтобы показать, как трансформация знаковых средств ее конструирования обуславливает эволюционную динамику реальности, в том числе правовой, и одновременно (в строгом соответствии с законом рекурсивности) определяется этой

динамикой⁸. При этом под самой реальностью мы будем далее понимать множество взаимосвязанных феноменов внешнего мира, явленных сознанию человека как гносеологического субъекта и участника практической деятельности в актах интенционального восприятия⁹. Именно мышление и практическая деятельность индивидов наделяют феномены внешнего мира той или иной релевантностью, организуя и упорядочивая их определенным образом в пространстве смысловых полей, необходимо присущих самой же реальности¹⁰.

Отсюда следует, что реальность (в отличие от предметов внешнего мира, обладающих чисто объективным бытием) представляет собой идеальное образование, сконструированное человеческим мышлением и закреплённое разнообразными знаковыми средствами, придающими общезначимость ее феноменам. Причем субъективное и интерсубъективное конструирование реальности имеют своей необходимой предпосылкой самоконституирование сознания индивида в практической, творческой и познавательной деятельности последнего. Как писал Э. Гуссерль, «...в моей синтезирующей активности конституируется предмет в эксплицитной смысловой форме: тождественное в его многообразных свойствах, т. е. предмет как тождественное себе, как определяющее себя в своих многообразных свойствах. Эта моя активность полагания бытия и истолкования бытия учреждает привычную ориентацию моего Я, благодаря которой предмет этот теперь освоен мной как постоянный в своих определенностях»¹¹.

2. Юридическое мышление как компонент правовой реальности

Оставляя в стороне сложную проблематику взаимоотношенности Я с внешним миром, являющуюся предметом скорее философского осмысления, чем научного познания, отметим лишь одно: в практическом плане развитие (в том числе в исторической ретроспективе) личностного самосознания, все более углубленное познание человеком самого себя идут рука об руку с совершенствованием знаковых средств конструирования природной и социальной реальности, коррелируют с ним и — более

³ Матурана У, Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁴ Философский смысл категории заброшенности раскрывается в трудах представителей экзистенциализма, прежде всего, Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера. См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997; Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

⁵ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. С. 72.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование знания: Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр; Медиум, 1995.

⁷ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблемы языкового изменения. М.: Едиториал УРСС, 2001.

⁸ Разуваев Н.В. Государство в эволюционном измерении. М.: Юрлитинформ, 2018.

⁹ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академич. проспект, 2010.

¹⁰ Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 278–295.

¹¹ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 90.

того — выступают его необходимой предпосылкой. Тем самым прогресс мышления, если понимать указанный термин не в примитивно-эволюционистском, а в более широком значении, обуславливает развитие знаковых средств конструирования реальности и в конечном итоге эволюцию последней.

Сказанное в полной мере относится к юридическому мышлению, выступающему важнейшим источником конструирования правовой реальности. Данная категория лишь относительно недавно привлекла к себе внимание исследователей, причем ее дефиниции не отличаются особенной ясностью¹², что свидетельствует об отсутствии четких представлений и о самом этом явлении. Юридическое мышление чаще всего воспринимают как духовное образование, делая основной упор на его цивилизационную и культурно-историческую детерминированность¹³. Очевидно, что «данный подход, будучи справедливым по существу, вместе с тем не способствует описанию базовых структур юридического мышления, определяющих эволюцию правовой реальности и знаковых средств ее конструирования.

Отдельную проблему составляет соотношение юридического мышления и правосознания. Очевидно, что, выступая в структурном плане компонентом правосознания, юридическое мышление не тождественно ему. Если правосознание традиционно принято определять как совокупность идей и психологических установок, воздействующих на правовое поведение индивидов и формирующих культурную среду, в которой осуществляется это поведение, то юридическое мышление представляет собой один из сегментов (и одновременно наиболее высокий структурный уровень) правосознания, играющий особую роль в конструировании правовой реальности.

Имеются все основания утверждать, что юридическое мышление представляет собой обладающий высокой степенью рефлексивности процесс познания права, а также совокупность результатов познавательной деятельности, выступающих необходимой предпосылкой юридического семиозиса. Одним из наиболее важных проявлений юридического мышления является правовая наука (догма), возникающая на стадии развитого юридического мышления, придающая устойчивость идеям, представлениям и смыслам, составляющим содержание

правовой реальности. Как пишет Л.И. Глухарева: «Догма — это наиболее точная формулировка многообразного поля смыслов, точный ответ, даваемый здесь и сейчас. Догма — единица мышления, следовательно, нет нужды дробить выражаемый ею смысл. Она не является неизменной, однако имеет высокий уровень стабильности, благодаря чему может выступать стимулом для институционализации»¹⁴.

Таким образом, мышление вообще и правовое мышление в частности играет тройную роль в конструировании реальности (в том числе реальности правовой). Оно, во-первых, формирует ее субстанциональную основу, образуемую атомарными фактами, представляющими собой, согласно определению Л. Витгенштейна, соотношения объектов внешнего мира¹⁵, во-вторых, устанавливает взаимную связь фактов в логическом и культурно-историческом пространстве реальности, тем самым обеспечивая когерентность последней, и, в-третьих, закрепляет факты и связи между ними в различных знаковых формах, вырабатываемых в процессе познавательной активности индивидов.

3. Общая характеристика знакового конструирования реальности

Сформулированные соображения относятся не только к правовой реальности, но имеют универсальный характер и касаются любых видов реальности, о чем неоспоримо свидетельствует история математического познания, в ходе эволюции которого происходит все более полное и совершенное конструирование физической реальности, а точнее, пространства как ее многомерной топологии¹⁶. Базовыми элементами такого описания, как известно, являются множества чисел (натуральных, целых, вещественных и комплексных), со времен Евклида представляемых в виде точек на плоскости. Тем самым в математическом описании происходит конструктивистский акт заполнения пространственного континуума, направленный на устранение пробелов в нем.

Это происходит путем расширения исходных множеств посредством добавления новых элементов. Одной из аксиом теории чисел является утверждение, согласно которому сколь бы плотным ни было исходное множество, новое

¹² Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247). С. 38.

¹³ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-н./Д.: Изд. Ростовск. ун-та, 2002.

¹⁴ Глухарева Л.И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2013. № 19(120). С. 20.

¹⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: «Гнозис», 1994. С. 5.

¹⁶ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. Изд. 3-е. М.: Книжный дом Либроком, 2010.

множество, сконструированное на его основе, повсюду плотно по отношению к данному исходному. Имеет смысл и обратное утверждение: исходное множество повсюду плотно относительно сконструированного множества, то есть равномощно ему. Так, множество Q рациональных чисел повсюду плотно относительно множества R вещественных чисел и т. п., что имеет следующую символическую запись:

$$\forall r \in R, \forall \varepsilon > 0, \exists q \in Q : r - \varepsilon < q < r + \varepsilon^{17}.$$

Аналогичное утверждение можно сформулировать применительно к любому иному числовому множеству, представляющему собой, следовательно, расширение исходного множества, на основе которого оно сконструировано. В частности, множество натуральных чисел расширяется до множества целых чисел в результате добавления таких элементов, как нуль и отрицательные числа. Аналогичным образом множество целых чисел расширяется до множества рациональных чисел путем введения конечных дробей, а последнее введением бесконечных дробей расширяется до множества иррациональных чисел. Наконец, невозможность удовлетворительным образом обеспечить когерентность пространственного континуума, оперируя только действительными числами, способствовала расширению последнего множества до множеств комплексных и гиперкомплексных чисел, позволяющих решать задачи, нерешаемые на множестве вещественных чисел. Например, квадратные уравнения с отрицательным дискриминантом, не имеющие вещественных корней, обладают только мнимыми (комплексными) корнями¹⁸.

Исследование конструктивистских свойств числовых множеств, являющихся в подобном представлении ни чем иным, как совокупностями знаков с «нулевыми» референтами, соотносимых с любыми объектами реальности¹⁹, стимулировало развитие конструктивной математики, появление которой было обусловлено необходимостью устранения ряда противоречий, возникающих в рамках традиционных подходов. Предметом ее описания выступают так называемые конструктивные объекты, простейшие из которых «получаются с помощью сочетания букв, знаков или символов из конечного

алфавита в цепочки или слова»²⁰. Очевидно, что конструктивны не только числовые множества, но и различного рода нелинейные объекты (деревья, матрицы, графы и т.п.). Важнейшей особенностью любых конструктивных объектов является их самопорождаемость, позволяющая вводить и исследовать понятия рекурсивных множеств и отношений, задаваемых частично или полностью рекурсивными функциями (алгоритмами)²¹.

Результатом установления взаимной корреляции между отдельными знаками, являющимися точками на многомерной плоскости, становятся линейные функции вида $f(x) = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n$ и более сложные нелинейные функции, частным случаем которых служат булевы функции вида $f(x) = (\oplus_{(k=1)}^n \oplus_{(i_1, \dots, i_k)} a_{(i_1, \dots, i_k)} x_{i_1} \cdot \dots \cdot x_{i_k}) \oplus a_0$ ²². Смысл рассматриваемых соотношений (равно как и вытекающих из них уравнений) состоит в том, что они описывают преобразования пространства²³, что, в свою очередь, выступает условием трансформации любых феноменов, находящихся в этом пространстве, то есть их динамики, включая динамику эволюционную. Наибольшее значение применительно к социокультурной, в том числе правовой реальности, представляют различные случаи нелинейной динамики, характеризующиеся скачкообразным переходом системы в новое качественное состояние в результате бифуркации, происходящей под воздействием заранее не прогнозируемых флуктуаций.

Математическое описание таких процессов позволяет вести речь о катастрофической трансформации гладкой поверхности равновесий в окрестностях точек бифуркации и об образовании на этой поверхности «сверток», «складок» и «сборок» различного вида²⁴. Наиболее интересной как в плане математического описания и выводов, так и в плане физического смысла является катастрофа, приводящая к образованию трехмерного пространства типа «ласточкин хвост», выражаемого формулой $V = x^5 + ax^3 + bx^3 + cx$, где коэффициенты определяют пространственные параметры (измерения). В конечном итоге можно различать два

¹⁷ Феликс Л. Элементарная математика в современном изложении. М.: Прогресс, 1967. С. 53–54.

¹⁸ Возможность решения таких уравнений была очевидна уже Р. Декарту. Декарт Р. Геометрия. М.: ГОНТИ, 1938. С. 76.

¹⁹ Манин Ю.И., Панчишкин А.А. Введение в теорию чисел // Итоги науки и техники. Сер.: «Современные проблемы математики. Фундаментальные направления», 1990. Т. 49. С. 6.

²⁰ Мартин-Лёф П. Очерки по конструктивной математике. М.: Мир, 1975. С. 9.

²¹ Там же. С. 15–17.

²² Токарева Н.Н. Нелинейные булевы функции: бета-функции и их обобщения. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 8

²³ Клейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей. Т. 1. М.: Наука, 1987. С. 128 и след.

²⁴ Арнольд В.И. Теория катастроф // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления, 1986. Т. 5. С. 223.

вида трансформаций многомерного пространства природной и социокультурной реальности, а именно движения, представляющие собой линейные преобразования, и скачки, являющиеся преобразованиями нелинейными²⁵.

Из всего сказанного напрашивается вывод о том, что конструирование не только физического пространства, но и пространства социокультурной реальности, а также разнообразных феноменов последней является результатом познавательной и иной творческой активности индивида, чье мышление выполняет конструктивистскую функцию, без чего вести речь о реальности как таковой невозможно. Конструирование реальности осуществляется при помощи разнообразных знаковых средств, усложняющихся по мере их эволюции. По мере конструирования происходит совершенствование знаковых средств, в результате чего универсализуются взаимозависимости атомарных фактов, образующих исходный, базовый уровень реальности²⁶. Важным аспектом рассматриваемого процесса выступает смыслопорождающая деятельность мышления, в частности юридического мышления, приводящая к возникновению все более сложных релевантностей, образующих смысловую структуру реальности. Имеются основания полагать, что эта структура задает пределы возможностей конструирования реальности и устанавливает его закономерности.

Таким образом, мышление в различных его аспектах (в том числе и юридическое) можно рассматривать как смыслопорождающий процесс, лежащий в основе знакового конструирования реальности. Существует очевидная связь между культурой как пространством интерсубъективной коммуникации и совокупностью текстов, с одной стороны, и мышлением участников коммуникации — с другой²⁷. При этом динамика культуры, обусловленная смыслопорождающей активностью последних, имеет ярко выраженный семиотический характер. Как отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий), причем и борьба со старыми ритуалами может принимать сугубо ритуализованный характер»²⁸.

²⁵ См.: Кубышкин Е.И. Нелинейная алгебра пространства-времени. М.: Книжный дом Либроком, 2009.

²⁶ Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. С. 8–9.

²⁷ Поляков А.В. Право и коммуникация // Поляков А.В. Коммуникативное правоупонимание: Избр. труды. СПб.: ООО Издат. дом Алеф-Пресс, 2014. С. 11–32.

²⁸ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 485.

4. Этапы эволюции знакового конструирования реальности

Разные виды смыслов, обеспечивающие связь между знаками и феноменами социокультурной и правовой реальности, порождают различные знаковые формы, эволюционирующие в диахронной ретроспективе. Проследивая данную эволюцию, М. Фуко выделил в рамках западноевропейской культуры несколько последовательно сменяющих друг друга эпистем, каждая из которых характеризовалась собственным типом семиозиса. По мысли философа, эпистема представляет собой способ соотнесения знаков с феноменами реальности (референтами) в контексте исторически и культурно детерминированных дискурсивных практик, причем переход к каждой новой эпистеме, заранее не прогнозируемый и не детерминируемый, становится причиной катастрофического разрыва когерентности социокультурной реальности. М. Фуко обнаруживает «два крупных разрыва в эпистеме западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (ок. середины XVII в.), а во-вторых, тот, которым в начале XIX в. обозначается порог нашей современности»²⁹.

Рождение современной методологии научного знания, всесторонне определившей многообразие средств, применяемых для конструирования различных видов реальности (как природной, так и социокультурной), принято связывать с переходом к классической эпистеме³⁰. Имеет, однако, смысл обратиться к более подробному рассмотрению предшествующего этапа эволюции знания (и эволюции знаковых средств конструирования реальности соответственно), тем более что М. Фуко, а вслед за ним и другие авторы уделяют значительное внимание этому весьма продолжительному отрезку истории познавательной деятельности. Более того, расширяя исходную установку, эпистемы, выделенные М. Фуко, рассматривали во всемирно-историческом плане. Так, С.С. Аверинцев различал три типа культурного семиозиса, отчасти совпадающих с «эпистемами», а именно: дорефлективно-традиционалистский, соотносимый с древневосточной и античной культурами, рефлективно-традиционалистский, утративший

²⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: «А-сэд», 1994. С. 35.

³⁰ Уайтхед А.Н. Наука и современный мир // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 95; Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2010. С. 18–19; Grammont M. Review of A. Gregoire, «Petit traité de linguistique» // Revue des langues romanes. 1920. Vol. 60. P. 439.

значимость в эпоху модерна, и современный, характеризующийся радикальным разрывом с традиционной установкой³¹.

Характерной чертой дорефлективной установкой является опосредованный характер семиозиса, при котором знаки соотносятся с референтами не напрямую, а посредством образов, принадлежащих к общекультурному фонду, что обуславливает символичность знаковых средств конструирования реальности (в том числе реальности юридической). Именно таким способом в условиях неразвитости соответствующих видов мышления обеспечивается когерентность атомарных фактов реальности, связываемых через посредство образных ассоциаций. М. Фуко выделял четыре вида таких ассоциаций, а именно: пригнанность, соперничество, аналогия и симпатия. Указанные способы семиозиса, определявшие метод конструирования реальности еще в античную эпоху, насколько можно судить по сочинениям древнегреческих и римских авторов³², «говорят нам о том, как мир должен замыкаться на самом себе, удваиваться, отражаться или сцепляться с самим собой для того, чтобы вещи могли походить друг на друга»³³.

При таком положении дел оказывается неудивительным, что главной целью дорефлективного мышления становится не столько обнаружение претендующих на универсальность причинно-следственных связей между отдельными «атомарными» фактами, сколько их описание, каталогизация и систематизация, которые бы позволили дать по возможности исчерпывающее описание реальности с ее фактической стороны. В основе такого стремления лежала присущая дорефлективному мышлению уверенность в статичности и, следовательно, потенциальной исчерпаемости реальности. Со временем (правда, это время было чрезвычайно продолжительным во всемирно-историческом плане) стала очевидной несостоятельность подобной установки в силу

неустрашимости присущей миру динамики. Даже попытки описания атомарных фактов, из которых состоит этот мир, не говоря уже о практическом освоении последнего, приводят к его трансформации, проявляющейся в том числе в изменении фактического состава, который приходится всякий раз описывать заново.

Этот бесплодный труд, занимавший жизнь целых поколений, в конечном итоге и стал одной из причин перехода к рефлективной установке, присущей классической рациональности европейского Нового времени. Для классической рациональности прежде всего характерен радикальный поворот от описания атомарных фактов к обнаружению всеобщих причинно-следственных связей между ними и их математическому описанию. Сначала физическая, а затем и социокультурная реальности стали конструироваться с помощью всеобщих законов, формулируемых на основе атомарных фактов. Как известно, первые наглядные попытки сформулировать такие законы предприняли Р. Декарт, Г. Галилей, И. Ньютон и руководствовавшиеся их опытом грамматики Пор-Рояль. Естественно, что ассоциативные связи между явлениями, вполне удовлетворявшие дорефлективное сознание, оказались непригодными для описания законов природы и человеческого общества.

Как следствие, потребовались и новые семиотические средства конструирования реальности, обеспечивающие не только ее когерентность, но и динамику различных сегментов, равно как и самой реальности в целом. Эти средства утратили образно-символическую составляющую, опосредствовавшую связь планов означаемого и означающего, становясь знаками, представляющими собой, согласно определению Ф. Соссюра, двустороннюю связь между понятием (психическим образом в сознании) и его внешним (акустическим или графическим) выражением³⁴. Такие знаки, порождаемые конструктивной деятельностью человеческого сознания, оказываются более пригодными для того, чтобы формировать устойчивые общезначимые связи между атомарными фактами, чем символы, целиком ориентированные на фактическую конкретность реальности.

Отличительной особенностью классического мышления или, иначе говоря, классической рациональности, в том числе мышления правового³⁵, являлся механицистский подход к реальности, получивший наглядное выражение в зако-

³¹ Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Наука, 1996. С. 15.

³² Яркой иллюстрацией символически-ассоциативного восприятия реальности является известный логический квадрат, прообраз которого впервые был намечен в трудах Аристотеля и который получил свое завершенное оформление в трудах средневековых философов, таких как П. Абеляр и М. Пселл. В дальнейшем эта схема, подвергаясь переосмыслению в новых социокультурных условиях, была взята за основу семиотического квадрата, призванного отобразить не только понятийные отношения, но и их знаковое выражение. Greimas A.J., Rastier F. The Interaction of Semiotic Constraints // Yale French Studies. 1968. Vol. 41. P. 86–105.

³³ Фуко М. Указ. соч. С. 62.

³⁴ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 1999. С. 68–70.

³⁵ Разуваев Н.В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5. С. 143–144.

нах ньютоновской механики³⁶. Следовательно, любые законы в рамках классической рациональности призваны были описывать цепочку причинностей, восходящую к умозрительно постулируемой (и рациональными средствами не верифицируемой) первопричине, какой выступала божественная воля. При этом возможность саморазвития, самопроизвольной динамики не просто не принимались в расчет, но целенаправленно элиминировались. Данная установка проявила себя в генерируемых классическим мышлением знаковых комплексах, имевших статичный характер и не включавших в себя динамическое измерение. Как писал Ф. Соссюр, на идеи которого классическая рациональность оказала значительное воздействие, «для говорящего не существует последовательности... фактов во времени: ему непосредственно дано только их состояние, поэтому и лингвист, желающий понять это состояние, должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пренебречь диахронией. Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих»³⁷.

Переход к постклассическому типу рациональности ознаменовался открытием исторического измерения реальности, в том числе реальности социокультурной и правовой. Отныне основной задачей познания становится конструирование реальности в ее эволюционной динамике. Указанное обстоятельство повлекло за собой радикальную трансформацию знаковых средств конструирования, придание им объемности посредством добавления к двусторонней связи означающего и означаемого динамического измерения³⁸. В результате знаковые комплексы (каковыми являются все культурные феномены, включая право) превращаются в сложные саморазвивающиеся системы, математически описываемые при помощи нелинейных уравнений, задающих трансформации социокультурного пространства.

Представляется не случайным, что предметом особенно пристального внимания гуманитарных наук становятся структуры сознания, трансформация которых определяет динамическое измерение культурного семиозиса. Такие структуры описываются как универсальные грамматики, обладающие текстопорождающими свойствами. Одна из наиболее известных и эвристически удачных моделей универсальной

грамматики была предложена Н. Хомским, различавшим глубинные и поверхностные языковые структуры. По мнению ученого, любые высказывания, во всем их многообразии и сложности, порождаются при помощи ограниченного набора правил, принадлежащих глубинной (генеративной) грамматике, на подсознательном уровне доступных каждому говорящему и определяющих условия трансформации поверхностных синтаксических структур³⁹. Тем самым удалось совместить структурный и трансформационный аспекты семиозиса, что привело к утрате релевантности предложенной Ф. Соссюром дихотомией синхронии/диахронии.

5. Общекультурные закономерности конструирования правовой реальности

Рассмотренная лишь в самых общих чертах модель эволюции знаковых средств конструирования социокультурной динамики получает свое подтверждение при обращении к фактографическому материалу из истории естественных человеческих языков⁴⁰, которые первоначально складываются из окказионально мотивированных индивидуальных знаков, обладающих максимальной степенью конкретности и обозначающих единичные предметы. Простейшим (и наиболее ранним) примером таких знаков являлись ручные жесты, выступавшие, по мнению некоторых ученых, первым способом знаковой коммуникации. Теорию возникновения языка из жестов пытались обосновать уже в античную эпоху такие философы, как Эпикур, Т. Лукреций и др.⁴¹.

Впоследствии одним из наиболее активных сторонников теории жестовой коммуникации стал Н.Я. Марр, видевший в ней отправную точку эволюции не только языка, но и ряда иных социальных институтов⁴². В настоящее время данная концепция считается маргинальной и подвергается отчасти небезосновательной

³⁶ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука-Аттикус, 2010. С. 38.

³⁷ Соссюр Ф. Указ. соч. С. 83.

³⁸ Чертов Л.Ф. «Знаковая призма»: пространственная модель семиозиса // Чертов Л.Ф. Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 57–68.

³⁹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд. МГУ, 1972. С. 61 и след.

⁴⁰ В литературе неоднократно предпринимались попытки обнаружить общие закономерности эволюции права и языка, обусловленные их тесным взаимодействием и взаимопереплетением в процессах знаковой коммуникации. См., например: Касаткин А.А. История языка и история права (на материале некоторых романских языков) // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1964. Т. XXIII. Вып. 2. С. 113–124; Проскурин С.Г. Эволюция права в свете семиотики // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. Т. 6. Вып. 1. С. 48–53.

⁴¹ Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 333.

⁴² Марр Н.Я. Язык // Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 129

критике. Существует и иная точка зрения, указывающая на бесспорные достоинства жестовой теории, позволяющей объяснить действие базовых психофизиологических механизмов, лежащих в основании более сложных форм знаковой коммуникации⁴³. По мере становления и развития звукового языка элементы жестовой коммуникации сохранились в его структурах в виде эмфатических ударений, восклицательной интонации⁴⁴ и, в особенности, так называемых дейктических слов, играющих, как показал К. Бюлер, важную роль в конструировании пространственных отношений с участием говорящего⁴⁵.

Индивидуальный и, следовательно, предельно конкретизированный и приуроченный к отдельным коммуникативным ситуациям, характер первичных форм знаковой коммуникации находит свое проявление в идиолектах, из которых, по мнению некоторых лингвистов, и состоит язык любого человеческого сообщества на ранних этапах развития⁴⁶. Как утверждал В. Гумбольдт, «все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума»⁴⁷. В ходе эволюции на основе множества идиолектов формируется единый язык, обязательный для всех членов языкового сообщества⁴⁸. При этом индивидуальные различия, проявляющиеся в идиолектах, не утрачивая в целом своего значения, в той или иной мере нивелируются. Активную роль здесь играют процессы нормализации, происходящие в любом языке, достигшем известной ступени развития.

⁴³ Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет: Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 487 и след.

⁴⁴ Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 116.

⁴⁵ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2002. С. 82.

⁴⁶ Богданова Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 4. С. 100–108.

⁴⁷ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 45.

⁴⁸ Очевидную параллель идиолектам представляют так называемые индивидуальные правовые нормы, в которых некоторые исследователи усматривают первый этап развития правовой нормативности. Муравский В.А. Роль индивидуальных норм в образовании актуального права // Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2002. № 3. С. 283–303.

Одной из наиболее значимых предпосылок нормализации является утрата семиотическими средствами, используемыми языком, а также иными семиотическими системами, включая право, своей непосредственной образной выразительности и превращение их в знаки, способные сигнифицировать большие классы предметов, обладающих общими признаками⁴⁹. Исследования А.М. Хокарта продемонстрировали, что эволюция от знака-изображения к знаку-символу имеет общекультурное значение и затрагивает любые переплетенные с естественным языком сферы коммуникации, например политические и правовые ритуалы, практиковавшиеся в древних обществах⁵⁰. Важную роль здесь играет научное знание, способствующее концептуализации культуры и формированию категориального аппарата, с помощью которого обеспечивается семантическое единообразие различных сфер культурной реальности, включая и реальность правовую⁵¹.

Данное обстоятельство применительно к лингвистической семантике описывает Вяч. Вс. Иванов, по словам которого: «Развитию от конкретных изображений к символам в языках соответствует сходное перемещение теоретических интересов по отношению к языку. Для ранних этапов сознания (в частности отраженных в мифах) основной проблемой являлась связь знака и предмета, что сказывается в преданиях о наименовании вещей... Современная лингвистическая семантика, развитие которой началось с исследования знаков, обозначающих концепты, меньше всего занимается этим кругом вопросов»⁵². То же можно сказать и о юридической науке, правотворческое значение которой состоит в том, что она, формируя систему средств знакового конструирования правовой реальности, создает условия для ее нормализации.

6. Юридическая наука и знаковое конструирование правовой реальности

Все вышеизложенное призвано пролить свет на эволюцию средств конструирования правовой реальности, подчиняющуюся тем же самым закономерностям, действие которых определяет

⁴⁹ Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1968. Т. XXVII. Вып. 3. С. 241.

⁵⁰ Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936. P. 151.

⁵¹ О различных аспектах концептуализации культурной семантики см. подробнее: Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2008.

⁵² Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. С. 241.

эволюцию иных видов реальности. Важным фактором этой эволюции является юридическое мышление. Его познавательная активность обуславливает динамику правовой реальности в историческом измерении, а также усложнение в смысловом и системно-структурном отношениях. Особое большое значение в плане конструирования правовой реальности и формирования его знаковых средств играет правовая наука, являющаяся наиболее организованным и высоко рефлексированным проявлением юридического мышления.

В истории правовой науки наблюдается смена тех же эпистем (а именно дорефлективной, классической, неклассической и постнеклассической), которые ранее были выделены применительно к истории гуманитарного знания в целом. При этом на дорефлективной стадии основная задача правового познания состояла в описании множества конкретных (атомарных) фактов, из которых складываются реальности на своем первичном уровне. Учитывая специфику правовой реальности, можно утверждать, что знаковыми средствами закрепления таких фактов выступают субъективные права и обязанности участников правового общения. Следует отметить: связывание отдельных атомарных фактов в единое целое правовой реальности на дорефлективной стадии развития юридического мышления осуществлялось при помощи ассоциаций, имевших общекультурное значение⁵³. На стадии классической рефлексивности происходит формирование современного научного метода, при помощи которого на основе атомарных фактов формируются общезначимые взаимосвязи, получающие внешнее выражение в виде правовых норм. Наконец, на неклассической и постнеклассической стадиях правовая реальность приобретает динамическое измерение, способствующее ее дальнейшему усложнению, равно как и усложнению знаковых средств конструирования правовой реальности.

Характерные особенности дорефлективного правового познания ярко проявили себя уже в деятельности римских юристов. Возникшая на рубеже III–II вв. до н. э.⁵⁴, юриспруденция Древнего Рима первоначально не имела правотворческого значения. В предклассический период истории римского права юристы решали чисто прикладные задачи, а именно составляли иски и сделки (*cavere*), вели дела в суде (*agere*) и консультировали граждан по вопросам права (*respondere*). Перечисленные задачи ранней римской юриспруденции были настолько

прочны с нею связаны, что даже в середине I в. до н.э. Цицерон (*Cic. de. orat. 1. 48. 212*), отвечая на вопрос, кого можно называть юристом, утверждал, что таковым является тот, «кто сведущ в том законе и практике его применения, которым пользуются частные лица в гражданской общине, и в том, чтобы давать ответы, и вести дело в суде, и составлять формулы (*qui legem, et consuetudinis eius, quia private in civitate uterentur, et ad respondendum, et ad agendum, et ad cavendum, peritus esset*)». Таким образом, доктрина в историческом генезисе первоначально вырастала из чисто практических потребностей, неотделимых от тех отношений и фактов, которые образовывали субстанциональную основу правопорядка. От них, естественно, были неотделимы рефлексивные моменты, предполагавшие осмысление релевантности юридически значимого поведения. Иными словами, правовая наука в момент своего зарождения представляла собой осмысленную практическую работу юристов, обладавших достаточной для этого квалификацией.

Лишь с течением времени, по мере эволюции как правопорядка, так и в его контексте — интеллектуальной, творческой деятельности знатоков права, происходит дифференциация научного мышления и практики, сделавшейся его гносеологическим объектом. Своего наивысшего расцвета римская юридическая доктрина достигает в I–III вв. н. э., когда произведения авторитетных юристов (Гая, Ульпиана, Папиниана, Г. Модестина и Юлия Павла) получают официальное признание в качестве источников права. Однако даже в этот период доктрина не отвечала строгим критериям научности в современном смысле⁵⁵. Деятельность классических римских правоведов по преимуществу сводилась к формулированию общих принципов правового регулирования (совокупность которых получило название *ius naturale*, естественного права) и к описанию на их основе конкретных жизненных обстоятельств (казусов), а также возникающих в этих обстоятельствах субъективных прав и обязанностей.

Обращают на себя внимание особенности изложения материала в сочинениях римских юристов. По словам В.А. Савельева: «Описание казуса римские юристы чаще всего начинали формулой “спрашивается...” (*quasitum est*), за которой следовало изложение обстоятельств казуса. И далее следовал собственно “ответ” юриста, начинающийся словами “ответил, что...” (*respondi*). Иногда за *respondi* следовала еще одна характерная формула: “таково право” (*quid*

⁵³ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum eugoraem*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

⁵⁴ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Проспект, 2015. С. 24–26.

⁵⁵ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, Издат. группа Инфра-М — Норма, 1998. С. 131–132.

iuris sit)»⁵⁶. Вместе с тем представление о норме как правиле поведения, обладающем общезначимостью, общеобязательностью и многократной повторяемостью, в целом было чуждо юристам классического периода. О казуистичности их мышления свидетельствуют особенности применяемого ими метода, в частности, стремление дать точные дефиниции понятий, неизменная приверженность заимствованным в трудах Аристотеля приемам родовидовой классификации изучаемых фактов, использование иных формально-логических и лингвистических приемов толкования, к которым подчас сводилось правовое исследование⁵⁷.

Таким образом, юристы Древнего Рима проделали огромную работу, призванную дать по возможности исчерпывающее описание, систематизацию и каталогизацию юридических фактов, из которых на эмпирическом уровне складывалась правовая реальность. Это способствовало типизации последних, формулированию тех образцовых казусов, руководствуясь которыми судьи могли выносить решения по конкретным делам. Как пишет А.А. Малиновский: «Образцовый казус представлял собой модель решения типичного юридического спора, возникшего при одинаковых или сходных фактических обстоятельствах... Появление образцовых споров свидетельствует о достаточно высоком уровне развития римской юриспруденции. Ее представители смогли выявить типичное в правовой действительности, точно определить юридическую суть спора, абстрагируясь от разнообразных фактических нюансов, попытались создать теоретическую модель решения одинаковых споров путем применения метода аналогии»⁵⁸.

Типизация конкретных жизненных ситуаций, производившаяся римской юриспруденцией, проливает свет на особенности доктринального правотворчества и на специфику правопорядков традиционных обществ, к числу которых относилось и античное общество Древнего Рима. Характерной чертой таких правопорядков являлась неразвитость нормативного компонента, в связи с чем роль основного средства конструирования правовой реальности выполняли субъективные права и обязанности, неразрывно связанные с конкретными жизненными ситуациями, из которых

они проистекали. Именно в субъективных правах и обязанностях репрезентировалась и формализовалась смысловая структура соответствующей фактической ситуации, позволявшая участникам правового общения психологически воспринимать субъективные права в качестве юридических притязаний, дававших возможность требовать определенного поведения обязанных лиц.

Формулируя образцовые казусы, юристы руководствовались предпосылкой, в соответствии с которой в ситуациях, обладающих одинаковой релевантностью, субъекты будут вести себя аналогичным образом, что позволяло создавать типовые модели субъективных прав и обязанностей, применимые к множеству сходных фактических ситуаций. В этом смысле типизация юристами правовой реальности расширяла ее горизонты, позволяя перейти от единичных фактов к их совокупностям, объединенным общей релевантностью и характерными признаками⁵⁹. Одновременно познавательная деятельность римских юристов стала логическим продолжением и развитием процессов конструирования реальности, истоки которых коренятся в допредикативных горизонтах жизненного мира⁶⁰ и в обыденном правосознании субъектов правового общения.

Рецепция римского права в средневековой Западной Европе, начиная с XI в., повлекла за собой не только усвоение юристами научных достижений и результатов античных знатоков права, но и возрождение правотворческого значения юридической доктрины⁶¹. Более того, в условиях местного партикуляризма, присущего средневековому праву, именно юристы творили единый правопорядок (*jus commune*)⁶². Не случайно стремление европейских монархов придать их сочинениям обязательную силу⁶³. Дело в том,

⁵⁹ Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 281.

⁶⁰ О жизненном мире см.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 87.

⁶¹ Котляр И.А. «*Jus commune*» как средневековая модель общеевропейского правопорядка (XI–XIV века). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Михайлов А.В. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012.

⁶² Федоров А.Н. Раздробленность или взаимодействие: о партикуляризме права средневековой Западной Европы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23(378). Сер.: Право, Вып. 44. С. 20.

⁶³ Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 279.

⁵⁶ Савельев В.А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108.

⁵⁷ Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956. С. 68; Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 89.

⁵⁸ Малиновский А.А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4(100). С. 31.

что в условиях зарождающейся абсолютистской государственности раннего Нового времени государь как верховный суверен нации становится ключевой фигурой *jus commune*, придававшей доктринальным положениям обязательность в плане правоприменительной практики⁶⁴. Одновременно и само государство, на авторитет которого опиралась доктрина, в момент зарождения представляло собой результат усилий юристов по обобщению и концептуализации феноменов правовой реальности.

Указанная тенденция проявилась в период XIII–XIV вв., на который приходится деятельность постгlossаторов (комментаторов)⁶⁵, являвшихся, в отличие от glossаторов, не только университетскими профессорами, но и активными участниками политической жизни. Рекомендации, сформулированные в работах наиболее влиятельных постгlossаторов, таких как Бальдус де Убальди, Франциск Аккурсий, Бартоло де Сассоферато и др., подлежали обязательно применению в судах, что дало возможность обуздать произвол судей и создать условия для согласования городских, коммунальных, общинных и иных местных обычаев⁶⁶.

В трудах представителей научной доктрины *jus commune* создаются юридические конструкции, претендующие не просто на типизацию, но на обобщение фактического материала и, следовательно, на общезначимость в качестве компонентов правовой реальности. Результатами тщательной доктринальной проработки стали практически неизвестные римскому праву категории государства, публичной власти, юридических лиц, договорного права и т.п. Так, говоря о влиянии средневековой юридической доктрины на развитие договорного права, Д.Ю. Полдников подчеркивает ее основополагающее значение. По его словам: «Вопреки существующему стереотипу... римское право не знало общей теории договора, основанной на консенсуальной модели договора, едином терминологическом обозначении договора, его обязательности, договорной свободы... Как же получилось, что столь фрагментированное римское договорное право легло в основу современной договорной

теории? Ключевую роль здесь сыграли теоретические концепции представителей средневекового *jus commune*»⁶⁷.

Именно благодаря правотворческой деятельности юристов происходит дальнейшая теоретизация и концептуализация правовой реальности, заложившая основы для формирования в эпоху Нового времени национальных правовых систем, которые стали закономерным результатом нормализации правопорядков, приведшей к формированию на основе типизированных юристами субъективных прав и обязанностей общезначимых правил поведения, распространивших свое действие на всех участников правового общения. Ведущую роль в нормализации правопорядков, завершившейся созданием кодификаций XIX столетия, играла юридическая наука, в том числе и в ее доктринальном аспекте. Великие юристы раннего Нового времени (в частности, И. Альтузий, Г. Гроций, У. Блэкстоун, Д. Коук, Ж. Боден, Ж. Кюжа, Ч. Беккариа и др.), которых с полным на то правом можно назвать создателями современного научного метода⁶⁸, сформулировали теоретическое представление о норме права как правиле поведения, нашедшее применение в законодательном регулировании общественных отношений.

По мере окончательного формирования нормативного измерения правовой реальности доктрина утрачивает присущее ей значение источника права. Этому способствовали механистические модели правового регулирования, получившие распространение в правотворческой и правоприменительной практике Нового времени, на которую опосредованное, но весьма активное влияние оказала классическая естественнонаучная картина Вселенной, подчиненной действию природных законов, представляющих собой всеобщую причинно-следственную связь фактов, установленных в опыте. Как следствие, основным средством конструирования современного правопорядка становятся правовые нормы, рассматриваемые в качестве официально-властных предписаний, обладающих признаками общеобязательности, формальной определенности, многократности применения, и распространяющие свое действие на неопределенный круг лиц

⁶⁴ Котляр И.А. Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2011. № 4. С. 106

⁶⁵ Полдников Д.Ю. Этапы развития научной доктрины *jus commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2013. № 1. С. 90.

⁶⁶ Котляр И.А. Понятие «*jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Сер. 11: Право, 2009. № 5. С. 89–100; Марей А.В. К осмыслению рецепции римского права: формирование *jus commune* в Западной Европе XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.

⁶⁷ Полдников Д.Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 108.

⁶⁸ Чичерин Б.Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира. СПб.: Лань, 1999. С. 150; Батиев Л.В. Политические и правовые учения XVII века. СПб.: Изд. Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2006. С. 5–11; Занин С.В. Рождение учений о естественном праве в эпоху Нового времени: Иоанн Альтузий и Гроций // История государства и права. 2013. № 14. С. 24–27.

и на неограниченное множество типичных общественных отношений⁶⁹.

Со всей наглядностью подобные механистические представления о нормативности права проявили себя в разработанной советскими юристами концепции «механизма правового регулирования». Это процесс одностороннего воздействия установленных государством норм на поведение членов общества путем надления их субъективными правами и обязанностями⁷⁰. Одновременно правовая наука, основная задача которой выявление предпосылок и общих закономерностей нормативного регулирования, толкование норм и выработка рекомендаций по их применению, вытесняется в сферу чистого знания⁷¹.

Правотворческие возможности доктрины, чьи положения по мере усложнения современного правопорядка становятся все более абстрактными и теоретически нагруженными, оцениваются исследователями скептически⁷², несмотря на оговорки о том, что доктрина является важным способом правообразования в любом обществе, «всеобъемлющей формой права», вторичным, нетрадиционным источником права и т.п.⁷³ Исключение составляет лишь

англосаксонское (англо-американское) право, где в силу ряда причин исторического, системного и социокультурного характера за доктриной сохранилось (хотя и в ограниченных пределах) значение источника права⁷⁴.

7. Выводы

Рассмотренные тенденции исторической динамики науки о праве отражают важнейшие закономерности трансформации знаковых средств конструирования правовой реальности в эволюционном измерении. Это обусловлено самой природой юридической науки, представляющей собой совокупность текстов, то есть знаковых комплексов, организующих, упорядочивающих и репрезентирующих феномены правовой реальности на основе смысловой структуры, имманентно ей присущей.

Мы видели, что основной закон эволюции правовой реальности состоит в ее развитии в сторону все большей общезначимости образующих эту науку знаков, коррелирующим с формированием единой смысловой структуры, пронизывающей эту реальность. А именно релевантности (возникшие изначально в допредикативных горизонтах жизненного мира), образующие смысловое ядро конкретных жизненных ситуаций⁷⁵, в ходе эволюции универсализуются, распространяясь на множество однотипных фактов и однородных социальных отношений, и требуют от участников данных отношений сходного поведения⁷⁶. В плане знаковой формы эволюция правовой реальности проявляется в формировании на основе субъективных прав и обязанностей норм общего действия, адресатами которых выступает неограниченный круг участников правового общения.

Таким образом, правовые нормы, являющиеся атрибутом развитого правопорядка, выступают результатом типизации субъективных прав и обязанностей и седиментации юридически релевантного опыта множества конкретных индивидов. Следствием рассматриваемых процессов становится формирование общего для всех индивидов пространства правовой реальности, представляющее собой единое поле intersubjective коммуникаций. Правовая наука в целом и доктрина в частности, благодаря присущему им высокому рефлексивному

⁶⁹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002. С. 51–58.

⁷⁰ Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Сов. государство и право. 1970. № 10. С. 37–44; Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд. ЛГУ, 1976. С. 246; Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 39; Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература. 1982. С. 25–30.

⁷¹ Подобных воззрений на цель и назначение науки о праве придерживались уже мыслители XVII–XVIII вв., полагавшие, что юристы не создают правовую реальность, а лишь познают объективно присущие ей закономерности, сопоставлявшиеся с законами природы. Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 237, 272; и Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1955. С. 163 и др.

⁷² Примм Д.Д. К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал министерства юстиции. 1896. № 6. С. 26–27; Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Тип. Вильде, 1914. С. 107–108; Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М.: Тип. т-ва А.А. Левенсон, 1915. С. 124–125; Tebbit M. Philosophy of Law: An Introduction. London; New York: Routledge&Kegan Paul, 2005. P. 36–52.

⁷³ Рожнов А.П. Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. 2001. Сер. 5. Вып. 4. С. 29; Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 23; Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина в системе источников российского права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4; Малько А.В., Храмов Д.В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 38.

⁷⁴ Ромашов Р.А. Правовая доктрина в англо-американском, мусульманском и российском праве: проблема понимания и формы выражения // Проблемы методологии и философии права. Сб. статей участников II Международного «круглого стола» / под ред. С.Н. Касакина. Самара: Самарск. гуманит. акад., 2015. С. 33–34.

⁷⁵ См. подробнее: Стомба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков: ЛЛС, 2006.

потенциалу, а также авторитету, которым пользуются ученые-юристы, способны значительно ускорить этот процесс, став мощным катализатором эволюционных изменений правовой реальности.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Наука, 1996.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература. 1982.
3. Арнольд В.И. Теория катастроф // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1986. Т. 5.
4. Батиев Л.В. Политические и правовые учения XVII века. СПб.: Изд-во Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2006.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование знания: Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр; Медиум, 1995.
6. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, Издат. группа Инфра-М — Норма, 1998.
7. Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.
8. Богданова Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 4. С. 100–108.
9. Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
10. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: «Прогресс», 2002.
11. Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006.
12. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М.: Тип. т-ва А.А. Левенсон, 1915.
13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: «Гнозис», 1994.
14. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004.
15. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005.
16. Глухарева Л.И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2013. № 19(120).
17. Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
18. Гримм Д.Д. К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал министерства юстиции. 1896. № 6.
19. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М.: «Прогресс». 1984.
20. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
21. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
22. Декарт Р. Геометрия. М.: ГОНТИ, 1938.
23. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
24. Занин С.В. Рождение учений о естественном праве в эпоху Нового времени: Иоанн Альтузий и Гроций // История государства и права. 2013. № 14. С. 24–27.
25. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1968. Т. XXVII. Вып. 3.
26. Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет: Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М.: «Языки русской культуры», 1999.
27. Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Сов. государство и право. 1970. № 10. С. 37–44.
28. Касаткин А.А. История языка и история права (на материале некоторых романских языков) // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1964. Т. XXIII. Вып. 2. С. 113–124.
29. Клейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей. Т. 1. М.: «Наука», 1987.
30. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. М.: Едиториал УРСС, 2001.
31. Котляр И.А. «Jus commune» как средневековая модель общеевропейского правопорядка (XI–XIV в.). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
32. Котляр И.А. Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2011. № 4.
33. Котляр И.А. Понятие «*jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2009. № 5. С. 89–100.
34. Кубышкин Е.И. Нелинейная алгебра пространства-времени. М.: Книжный дом Либроком, 2009.
35. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002.
36. Лотман Ю.М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000.
37. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991.
38. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина в системе источников российского права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4.
39. Малиновский А.А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4(100).
40. Малько А.В., Храмов Д.В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1.

41. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука-Аттикус, 2010.
42. Манин Ю.И., Панчишкин А.А. Введение в теорию чисел // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1990. Т. 49.
43. Марей А.В. К осмыслению рецепции римского права: формирование *jus commune* в Западной Европе XII–XIV вв. // Государство и право, 2012. № 5. С. 96–102.
44. Марр Н.Я. Язык // Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания. М.: Соцэкгиз, 1935.
45. Мартин-Лёф П. Очерки по конструктивной математике. М.: Мир, 1975.
46. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
47. Михайлов А.В. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012.
48. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1955.
49. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247).
50. Муравский В.А. Роль индивидуальных норм в образовании актуального права // Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2002. № 3. С. 283–303.
51. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Проспект, 2015.
52. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-н./Д.: Изд. Ростовск. ун-та, 2002.
53. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956.
54. Полдников Д.Ю. Этапы развития научной доктрины *jus commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2013. № 1.
55. Полдников Д.Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. 2012. № 6.
56. Поляков А.В. Право и коммуникация // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: ООО Издат. дом Алеф-Пресс. 2014. С. 11–32.
57. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2008.
58. Проскурин С.Г. Эволюция права в свете семиотики // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. Т. 6. Вып. 1. С. 48–53.
59. Разуваев Н.В. Государство в эволюционном измерении. М.: Юрлитинформ, 2018.
60. Разуваев Н.В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5.
61. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999.
62. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. Изд. 3-е. М.: Книжный дом Либроком, 2010.
63. Рожнов А.П. Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. 2001. Сер. 5. Вып. 4.
64. Ромашов Р.А. Правовая доктрина в англо-американском, мусульманском и российском праве: проблема понимания и формы выражения // Проблемы методологии и философии права. Сб. статей участников II Международного «круглого стола» / под ред. С.Н. Касаткина. Самара: Самарск. гуманит. акад., 2015.
65. Савельев В.А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12.
66. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
67. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 1999.
68. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–18.
69. Стомба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков: ЛЛС, 2006.
70. Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7.
71. Токарева Н.Н. Нелинейные булевы функции: бета-функции и их обобщения. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
72. Уайтхед А.Н. Наука и современный мир // Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс. 1990.
73. Федоров А.Н. Раздробленность или взаимодействие: о партикуляризме права средневековой Западной Европы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23(378). Сер.: Право. Вып. 44.
74. Феликс Л. Элементарная математика в современном изложении. М.: Прогресс, 1967.
75. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: «А-сэд», 1994.
76. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997.
77. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Тип. Вильде, 1914.
78. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд. МГУ, 1972.
79. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2010.
80. Чертов Л.Ф. «Знаковая призма»: пространственная модель семиозиса // Чертов Л.Ф. Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 57–68.
81. Чичерин Б.Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира. СПб.: Лань, 1999.
82. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

83. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
84. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд. ЛГУ, 1976.
85. Grammont M. Review of A. Gregoire, «Petit traité de linguistique» // Revue des langues romanes. 1920. Vol. 60.
86. Greimas A.J., Rastier F. The Interaction of Semiotic Constraints // Yale French Studies. 1968. Vol. 41. P. 86–105.
87. Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936.
88. Tebbit M. Philosophy of Law: An Introduction. London; New-York: Routledge&Kegan Paul, 2005.

Juridical Thinking and Evolution of Semiotical Remedies of Constructing of Law Reality

Razuvaev Nikolay,

PhD in Law,

Doctor of Law, Head of the Chair of Civil and Labour Law of North-Weest Institute of Management of RANEPA, Saint-Petersburg

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru

Abstract. *The article considers the phenomenon of legal thinking as an independent kind of thinking, whose main goal is the construction of legal reality. The author believes that legal thinking performs three most important functions: firstly, it forms the matter of legal reality formed by atomic facts, secondly, it establishes the interconnection of facts in the logical and cultural-historical space of reality and, thirdly, it consolidates facts and relations between them in various sign forms developed in the process of cognitive activity of individuals. As shown in the work, the establishment of a logical relationship between its static (constructive) characteristics and evolutionary dynamics is of particular importance in terms of theoretical understanding of legal reality. According to the author, it is the activity of legal thinking that creates the prerequisites for the evolution of law and legal reality in the historical dimension. Cognitive and other creative activity of legal thinking creates those symbolic forms in which the interrelation of facts and factual complexes takes on an external expression. Moreover, in the course of evolution there is a complication of such forms, their acquisition of universality and validity.*

The work demonstrated that the most important regularity of legal evolution is the formation on the basis of specific situations of legal communication of subjective rights, which in the future, as they are typified and distributed to an increasingly wide range of individuals, are transformed into legal norms. This regularity gets its justification and confirmation both on general scientific material and on the example of legal science, which acts as the highest level of organization of legal thinking. The consequence of the processes under consideration, according to the author, is the formation of a common legal reality space for all individuals, which is a single field of intersubjective communications.

Key words: law, legal reality, legal thinking, subjective rights, legal norms, legal doctrine.

References

1. Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. Moscow: Nauka, 1996 [Averintsev S.S. Rhetoric and the origins of the European literary tradition. Moscow: Science, 1996].
2. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. II. Moscow: YUrid. lit., 1982 [Alekseev S.S. General theory of law. In 2 t. T. II. Moscow: Jurid. lit., 1982].
3. Arnold V.I. Teoriya katastrof // Itogi nauki i tekhniki. Ser.: Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya, 1986. T 5 [Arnold V.I. Catastrophe Theory // The Results of Science and Technics. Ser.: Modern problems of mathematics. Fundamental directions, 1986. Vol. 5].
4. Batiev L.V. Politicheskie i pravovye ucheniya XVII veka. Saint Petersburg: Izd. R. Aslanova Yuridicheskij centr Press, 2006 [Batiev L.V. Political and legal teachings of the XVII century. Saint Petersburg: R. Aslanov Publisher Legal Center Press, 2006].
5. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye znaniya: Traktat po sociologii znaniya. Moscow: Academia-centr; Medium, 1995 [Berger P., Luckman T. Social construction of knowledge: A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Academia-center; Medium, 1995].
6. Berman G.Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. Moscow: Izd-vo MGU, Izdat. gruppa Infra-M — Norma, 1998 [Berman G.J. Western tradition of law: the era of formation. Moscow: Publishing House of Moscow State University, Infra-M group — Norma, 1998].
7. Blumfeld L. YAzyk. Izd. 2-e, stereotip. Moscow: Editorial URSS, 2002 [Bloomfield L. Language. Ed. 2nd, stereotype. Moscow: URSS editorial, 2002].

8. Bogdanova E.V. O nekotorykh aspektakh izucheniya termina idiolekt v otechestvennoy i zapadnoy lingvistike // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2009. T. 1. No 4. S. 100–108 [Bogdanova E. V. On some aspects of the study of the term idiolect in domestic and Western linguistics // Bulletin of the Leningrad State University of A.S. Pushkin. 2009. T. 1. No. 4. P. 100-108].
9. Burde P. Ot «korolevskogo doma» k gosudarstvennomu interesu: model' proiskhozhdeniya byurokraticheskogo polya // Burde P. Sociologiya social'nogo prostranstva. Moscow: Institut eksperimental'noy sociologii; Saint Petersburg: Aleteya, 2005 [Bourdieu P. From the «royal house» to state interest: a model of the origin of the bureaucratic field // Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aletheia, 2005].
10. Byuler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka. Moscow: Progress, 2002 [Buhler K. Theory of Language. Representative function of language. Moscow: Progress, 2002].
11. Verlinskij A.L. Antichnye ucheniya o vozniknovenii yazyka. Saint Petersburg: Izd. SPbGU, 2006 [Verlinsky A.L. Antique teachings on the emergence of language. Saint Petersburg: Publ. SPbSU, 2006].
12. Vinogradov P.G. Ocherki po teorii prava. Moscow: Tip. t-va A. A. Levenson, 1915 [Vinogradov P.G. Essays on the theory of law. Moscow: Press by Partnership of A.A. Levenson, 1915].
13. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat // Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. CH. I. Moscow: Gnozis, 1994 [Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise // Wittgenstein L. Philosophical works. Part I. Moscow: Gnosis, 1994].
14. Voplenko N.N. Istochniki i formy prava. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2004 [Voplenko N.N. Sources and forms of law. Volgograd: VolSU Publishing House, 2004].
15. Garsia Garrido M.H. Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty. Moscow: Statut, 2005 [Garcia Garrido M. J. Roman private law: cases, lawsuits, institutions. Moscow: Statute, 2005].
16. Gluhareva L.I. Dogma prava i dogmatichnost' yuridicheskogo myshleniya // Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2013. No. 19(120) [Glukhareva L.I. Dogma of law and the dogma of legal thinking // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Ser.: Economics. Control. Right, 2013. No. 19(120)].
17. Gobbs T. Osnovy filosofii // Gobbs T. Soch. V 2 t. T. 1. Moscow: Mysl', 1989 [Hobbes T. Fundamentals of philosophy // Hobbes T. Soch. In 2 vols. T. 1. Moscow: Thought, 1989].
18. Grimm D.D. K voprosu o ponyatii i istochnike obyazatel'nosti yuridicheskikh norm // Zhurnal ministerstva yusticii. 1896. No 6 [Grimm D.D. On the concept and source of binding legal norms // Journal of the Ministry of Justice. 1896. No. 6].
19. Gumboldt V.O. razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniy na duhovnoe razvitie chelovechestva // Gumboldt V. Izbr. trudy po yazykoznaniyu. Moscow: Progress, 1984 [Humboldt V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind // Humboldt V. Elect. works on linguistics. Moscow: Progress, 1984].
20. Gusserl' E. Kartezijskie meditacii. Moscow: Akademich. proekt, 2010 [Husserl E. Cartesian meditations. Moscow: Academic. project, 2010].
21. Gusserl' E. Krizis evropejskikh nauk i transcendental'naya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu // Gusserl' E. Filosofiya kak strogaya nauka. Novocherkassk: Saguna, 1994 [Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Introduction to phenomenological philosophy // Husserl E. Philosophy as a rigorous science. Novocherkassk: Saguna, 1994].
22. Dekart R. Geometriya. Moscow: GONTI, 1938 [Descartes R. Geometry. Moscow: GONTI, 1938].
23. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah // Dekart R. Soch. V. 2 t. T. 1. Moscow: Mysl', 1989. [Descartes R. Reasoning about a method to correctly direct your mind and seek truth in the sciences // Descartes R. Soch. In 2 vols. T. 1. Moscow: Thought, 1989].
24. Zanin S.V. Rozhdenie ucheniy o estestvennom prave v epohu Novogo vremeni: Ioann Al'tuzij i Grocij // Istoriya gosudarstva i prava. 2013. No. 14. S. 24-27 [Zanin S. V. The birth of the doctrine of natural law in the era of the New Age: John Altusius and Grotius // History of State and Law. 2013. No. 14. P. 24-27].
25. Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika i gumanitarnye problemy semiotiki // Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1968. T. XXVII. Vyp. 3 [Ivanov Vyach. Vs. Linguistics and humanitarian problems of semiotics // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Ser. literature and language. 1968. T. XXVII. Vol. 3].
26. Ivanov Vyach. Vs. Nechet i chet: Asimmetriya mozga i dinamika znakovykh sistem // Ivanov Vyach. Vs. Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. I. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999 [Ivanov Vyach. Vs. Odd and even: Asymmetry of the brain and dynamics of sign systems // Ivanov Vyach. Vs. Collected works on semiotics and cultural history. T. I. Moscow: Languages of Russian culture, 1999].
27. Kazimirchuk V.P. Social'nyj mekhanizm dejstviya prava // Sov. gosudarstvo i pravo. 1970. No 10. S. 37–44 [Kazimirchuk V.P. The social mechanism of law activity // Soviet state and law, 1970. No. 10. P. 37-44].
28. Kasatkin A.A. Istoriya yazyka i istoriya prava (na materiale nekotorykh romanskikh yazykov) // Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1964. T. XXIII. Vyp. 2. S. 113-124 [Kasatkin A. A. The history of language and the history of law (based on some Romance languages) // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Ser. literature and language, 1964. T. XXIII. Vol. 2, pp. 113-124].
29. Klejn F. Elementarnaya matematika s tochki zreniya vysshej. T. 1. Moscow: Nauka, 1987 [Klein F. Elementary mathematics from the point of view of higher. T. 1. Moscow: Science, 1987].

30. Koseriu E. Sinhroniya, diahroniya i istoriya: Problema yazykovogo izmeneniya. Moscow: Editorial URSS, 2001 [Coseriu E. Synchrony, diachrony and history: The problem of language change. Moscow: URSS editorial, 2001].
31. Kotlyar I.A. Jus commune kak srednevekovaya model' obshcheevropejskogo pravoporyadka (XI–XIV veka). Avtoref. diss. ... k. yu .n. M., 2011 [Kotlyar I. A. Jus commune as a medieval model of the pan-European rule of law (XI–XIV centuries). Abstract of diss. ... Ph.D in Law. Moscow, 2011].
32. Kotlyar I.A. Gosudar' kak institut evropejskogo srednevekovogo jus commune // Vestnik MGU. Ser. 11: Pravo, 2011. No 4 [Kotlyar I. A. Sovereign as an institution of European medieval jus commune // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11: Right, 2011. No. 4].
33. Kotlyar I.A. Ponyatie «jus commune» v evropejskoj pravovoj tradicii // Vestnik MGU. Ser. 11: Pravo, 2009. No. 5. P. 89-100. [Kotlyar I. A. The concept of «jus commune» in the European legal tradition // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11: Right, 2009. No. 5. P. 89-100].
34. Kubyshevskiy E.I. Nelinejnaya algebra prostranstva-vremeni. Moscow: Knizhnyj dom Librokom, 2009 [Kubyshevskiy E.I. Nonlinear space-time algebra. Moscow: Book house Librokom, 2009].
35. Leist O.E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. Moscow: Zerkalo, 2002 [Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. Moscow: Mirror, 2002].
36. Lotman Yu.M., Uspenskij B.A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury // Lotman Yu.M. Semiosfera. Saint Petersburg: «Iskusstvo-SPb.», 2000 [Lotman Yu.M., Uspensky B.A. On the semiotic mechanism of culture // Lotman Yu. M. Semiosphere. Saint Petersburg: Art-SPb, 2000].
37. Lukach D.K. Ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny. Moscow: Progress, 1991 [Lukach D. On the ontology of social being. Prolegomens. Moscow: Progress, 1991].
38. Lyubitenko D.Yu. Pravovaya doktrina v sisteme istochnikov rossijskogo prava // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2010. No. 4 [Lyubitenko D.Yu. Legal doctrine in the system of sources of Russian law // Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2010. No. 4].
39. Malinovskij A.A. Rimskaya yurisprudenciya: metodologiya i didaktika // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. No. 4(100) [Malinovskiy A.A. Roman jurisprudence: methodology and didactics // Russian law: education, practice, science. 2017. No. 4(100)].
40. Mal'ko A.V., Hramov D.V. Sistema netradicionnyh istochnikov rossijskogo chastnogo prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2010. No. 1 [Malko A.V., Khramov D.V. The system of non-traditional sources of Russian private law // Leningrad Journal of Law. 2010. No. 1].
41. Mamardashvili M.K. Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2010 [Mamardashvili M.K. Classical and non-classical ideals of rationality. Saint Petersburg: ABC-Atticus, 2010].
42. Manin Yu.I., Panchishkin A.A. Vvedenie v teoriyu chisel // Itogi nauki i tekhniki. Ser.: Sovremennyye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya, 1990. T. 49 [Manin Yu.I., Panchishkin A.A. Introduction to number theory // The Results of Science and Technics. Ser.: Modern problems of mathematics. Fundamental directions. 1990. V. 49].
43. Marej A.V. K osmysleniyu recepcii rimskogo prava: formirovanie jus commune v Zapadnoj Evrope XII–XIV vv. // Gosudarstvo i pravo, 2012. No. 5. S. 96-102 [Marey A.V. On the comprehension of the reception of Roman law: the formation of jus commune in Western Europe XII–XIV centuries // State and law. 2012. No. 5. P. 96-102].
44. Marr N.Ya. Yazyk // Marr N.Ya. Osnovnye voprosy yazykoznaniya. Moscow: Socekgiz, 1935 [Marr N.Ya. Language // Marr N.Ya. Basic questions of linguistics. Moscow: Sotsekgiz, 1935].
45. Martin-Lyof P. Ocherki po konstruktivnoj matematike. Moscow: Mir, 1975 [Martin-Löf P. Essays on constructive mathematics. Moscow: World, 1975].
46. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya. Moscow: Progress-Tradiciya, 2001 [Maturana U., Varela F. Tree of knowledge. The biological roots of human understanding. Moscow: Progress-Tradition, 2001].
47. Mihajlov A.V. Genezis kontinental'noj yuridicheskoy dogmatiki. M.: Yurlitinform, 2012 [Mikhailov A.V. Genesis of continental legal dogma. M.: Yurlitinform, 2012].
48. Monteske Sh.L. O duhe zakonov // Monteske Sh.L. Izbr. proizv. Moscow: Gospolitizdat, 1955 [Montesquieu C.L. On the spirit of laws // Montesquieu C.L. Collected Works. Moscow: Gospolitizdat, 1955].
49. Mordovcev A.Yu. Yuridicheskoe myshlenie v kontekste sravnitel'nogo pravovedeniya: kul'turanropologicheskie problemy // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2003. No. 2(247) [Mordovtsev A.Yu. Legal thinking in the context of comparative law: culturological problems // Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. 2003. No. 2(247)].
50. Muravskij V.A. Rol' individual'nyh norm v obrazovanii aktual'nogo prava // Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN. 2002. No. 3. S. 283–303 [Muravskiy V.A. The role of individual norms in the formation of relevant law // Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS. 2002. No. 3. P. 283–303].
51. Novickij I.B. Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava. Moscow: Prospekt, 2015 [Novitsky I.B. Fundamentals of Roman civil law. Moscow: Prospect, 2015].
52. Ovchinnikov A.I. Pravovoe myshlenie v germenevticheskoy paradigme. Rostov-n./D.: Izd. Rostovsk. un-ta, 2002 [Ovchinnikov A.I. Legal thinking in the hermeneutic paradigm. Rostov-on-Don: Publishing of Rostov University, 2002].

53. Pereterskij I.S. Digesty Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya harakteristika. Moscow: Gosyurizdat, 1956 [Peretersky I.S. Digesta Justinian. Essays on the history of compilation and general characteristics. Moscow: Gosyurizdat, 1956].
54. Poldnikov D.Yu. Etapy razvitiya nauchnoj doktriny jus commune v Zapadnoj Evrope v XII–XIV vv. // Vestnik MGU. Ser. 11: Pravo, 2013. No 1 [Poldnikov D.Yu. Stages of development of the scientific doctrine of jus commune in Western Europe in the XII–XIV centuries. // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11: Right, 2013. No. 1].
55. Poldnikov D.Yu. Etapy formirovaniya civilisticheskoy dogovornoj teorii jus commune // Gosudarstvo i pravo, 2012. No. 6 [Poldnikov D.Yu. Stages of the formation of the civilistic contract theory jus commune // State and Law. 2012. No. 6].
56. Polyakov A.V. Pravo i kommunikaciya // Polyakov A.V. Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbr. trudy. Saint Petersburg: OOO Izdat. dom Alef-Press, 2014. S. 11–32 [Polyakov A. V. Law and communication // Polyakov A.V. Communicative legal understanding: Selected works. Saint Petersburg: Publishing House Alef Press House, 2014. S. 11–32].
57. Problemy funkcional'noj grammatiki: Kategorizaciya semantiki / otv. red. A.V. Bondarko, S.A. Shubik. Saint Petersburg: Nauka, 2008 [Problems of functional grammar: Categorization of semantics / resp. ed. A.V. Bondarko, S.A. Shubik. Saint Petersburg: Science, 2008].
58. Proskurin S.G. Evolyuciya prava v svete semiotiki // Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikaciya. 2008. Tom 6. Vyp. 1. S. 48–53 [Proskurin S. G. The evolution of law in the light of semiotics // Bulletin of NSU. Ser.: Linguistics and intercultural communication, 2008. Volume 6. Vol. 1, pp. 48–53].
59. Razuvaev N.V. Gosudarstvo v evolyucionnom izmerenii. Moscow: Yurlitinform, 2018 [Razuvaev N.V. State in the evolutionary dimension. Moscow: Yurlitinform, 2018].
60. Razuvaev N.V. Sovremennaya teoriya prava v poiskah postklassicheskoy paradigmy poznaniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2014. No. 5 [Razuvaev N.V. The modern theory of law in search of the postclassical paradigm of knowledge // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2014. No. 5].
61. Rassel B. Filosofiya logicheskogo atomizma. Tomsk: Vodolej, 1999 [Russell B. Philosophy of logical atomism. Tomsk: Aquarius, 1999].
62. Rejhenbah G. Filosofiya prostranstva i vremeni. Izd. 3-e. Moscow: Knizhnyj dom Librokom, 2010 [Reichenbach G. Philosophy of space and time. Ed. 3rd Moscow: Publishing house Librokom, 2010].
63. Rozhnov A.P. Netradicionnye istochniki prava v pravovoj sisteme // Vestnik VolGU. 2001. Ser. 5. Vyp. 4 [Rozhnov A.P. Non-traditional sources of law in the legal system // Bulletin of VolSU. 2001. Ser. 5. Issue 4].
64. Romashov R.A. Pravovaya doktrina v anglo-amerikanskom, musul'manskom i rossijskom prave: problema ponimaniya i formy vyrazheniya // Problemy metodologii i filosofii prava. Sb. statej uchastnikov II Mezhdunarodnogo kruglogo stola / pod red. S.N. Kasatkina. Samara: Samarsk. gumanit. akad., 2015 [Romashov R.A. Legal doctrine in Anglo-American, Muslim and Russian law: the problem of understanding and form of expression // Problems of methodology and philosophy of law. Digest of articles of participants of the II International Round Table / ed. S.N. Kasatkina. Samara: Samara humanitarian Acad., 2015].
65. Savel'ev V.A. Yuridicheskaya tekhnika rimskoj yurisprudencii klassicheskogo perioda // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. No 12 [Savelyev V.A. The legal technique of the Roman jurisprudence of the classical period // Journal of Russian Law. 2008. No. 12].
66. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii. Moscow: Respublika, 2000 [Sartre J.-P. Being and nothing: the experience of phenomenological ontology. Moscow: Republic, 2000].
67. Sossyur F. Kurs obshchej lingvistiki. Ekaterinburg: Izd. Ural'sk. un-ta, 1999 [Saussure F. Course in General Linguistics. Ekaterinburg: Publ. Uralsk. University, 1999].
68. Stepin V.S. Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya racional'nost' // Voprosy filosofii. 2003. No. 8. P. 5–18 [Stepin V.S. Self-developing systems and post-non-classical rationality // Problems of Philosophy. 2003. No. 8. P. 5–18].
69. Stovba A.V. Pravovaya situaciya kak istok bytiya prava. Har'kov: LLS, 2006 [Stovba A.V. Legal situation as the source of the existence of law. Kharkov: LLS, 2006].
70. Tihomirov Yu.A. Pravovaya sistema razvitogo socialisticheskogo obshchestva // Sov. gosudarstvo i pravo. 1979. No. 7 [Tikhomirov Yu.A. The legal system of a developed socialist society // Sov. state and law. 1979. No. 7].
71. Tokareva N.N. Nelinejnye bulevy funkicii: beta-funkcii i ih obobshcheniya. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011 [Tokareva N.N. Non-linear Boolean functions: beta-functions and their generalizations. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011].
72. Uajthed A.N. Nauka i sovremennyy mir // Uajthed A.N. Izbrannye raboty po filosofii. Moscow: Progress, 1990 [Whitehead A.N. Science and the modern world // Whitehead A.N. Selected works on philosophy. Moscow: Progress, 1990].
73. Fedorov A.N. Razdrobennost' ili vzaimodejstvie: o partikulyarizme prava srednevekovoj Zapadnoj Evropy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 23(378). Ser.: Pravo, Vyp. 44 [Fedorov A.N. Fragmentation or interaction: on the particularism of medieval Western Europe law // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. No. 23(378). Ser.: Right, Vol. 44].
74. Feliks L. Elementarnaya matematika v sovremennom izlozhenii. Moscow: Progress, 1967 [Felix L. Elementary mathematics in modern presentation. Moscow: Progress, 1967].

75. Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk. Saint Petersburg: A-cad, 1994 [Foucault M. Words and things. Archeology of the humanities. Saint Petersburg: A-cad, 1994].
76. Hajdegger M. Bytie i vremya. Moscow: Ad marginem, 1997 [Heidegger M. Being and time. Moscow: Ad marginem, 1997].
77. Hvostov V.M. Obshchaya teoriya prava. Elementarnyj ocherk. Moscow: Tip. Vil'de, 1914 [Khvostov V.M. General theory of law. Elementary essay. Moscow: Typography of Wilde, 1914].
78. Homskij N. Aspekty teorii sintaksisa. Moscow: Izd. MGU, 1972 [Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Moscow: Publishing. Moscow State University, 1972].
79. Homskij N. Kartezijskaya lingvistika. Glava iz istorii racionalisticheskoy mysli. Izd. 2-e. Moscow: KomKniga, 2010 [Chomsky N. Cartesian linguistics. A chapter from the history of rationalist thought. Ed. 2nd. Moscow: KomKniga, 2010].
80. Chertov L.F. Znakovaya prizma: prostranstvennaya model' semiozisa // Chertov L.F. Znakovaya prizma: stat'i po obshchej i prostranstvennoj semiotike. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014. S. 57-68 [Chertov L.F. Sign Prism: a spatial model of semiosis // Chertov L.F. Sign Prism: articles on general and spatial semiotics. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014. P. 57-68].
81. Chicherin B.N. Politicheskie mysliteli Drevnego i Novogo mira. Saint Petersburg: Lan', 1999 [Chicherin B. N. Political thinkers of the Ancient and New Worlds. St. Petersburg: Doe, 1999].
82. Shmitt K. Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2008 [Schmitt K. Nomos land in the law of peoples jus publicum europaeum. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2008].
83. Shyuc A. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2004 [Schütz A. Favorites: A world shining with meaning. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004].
84. Yavich L.S. Obshchaya teoriya prava. L.: Izd. LGU, 1976 [Yavich L.S. General theory of law. L.: Ed. LSU, 1976].
85. Grammont M. Review of A. Gregoire, Petit traité de linguistique // Revue des langues romanes. 1920. Vol. 60 [Grammont M. Review of A. Gregoire, Petit traité de linguistique // Revue des langues romanes. 1920. Vol. 60].
86. Greimas A.J., Rastier F. The Interaction of Semiotic Constraints // Yale French Studies. 1968. Vol. 41. P. 86-105 [Greimas A.J., Rastier F. The Interaction of Semiotic Constraints // Yale French Studies. 1968. Vol. 41. P. 86-105].
87. Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936 [Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936].
88. Tebbit M. Philosophy of Law: An Introduction. London; New-York: Routledge&Kegan Paul, 2005 [Tebbit M. Philosophy of Law: An Introduction. London; New-York: Routledge&Kegan Paul, 2005].